

Новый Журнал

THE
NEW REVIEW

Основатель М. ЦЕТЛИН

Тринадцатый год издания

Кн.
XXXVII
1954

БИБЛИОГРАФИЯ

ЧЕХОВ В СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЕ

По поводу «Полного собрания сочинений и писем»

А. П. Чехова (Москва, 1944-1951)

До сих пор никто еще как будто не рассказал, как в точности работает советская партийная цензура. Мы знаем, однако, что она умудряется достигать, особенно начиная с 30-х годов и еще больше в последние годы, в эпоху т. н. «ждановщины», весьма успешных результатов в смысле подчинения литературы и прессы очередной партийной линии. Особенно ярко это проявилось в кампании против «низкопоклонства перед Западом», против «безродных космополитов». Конечно, и на этом советском «фронте» бывали и бывают «прорывы» — на всякую старуху бывает проруха. Хорошо известны факты замалчивания или даже изъятия из литературы отдельных советских писателей или их произведений. Но до сих пор даже русская эмиграция исходила из того, что при издании русских классиков советские редакторы их не позволяли себе недобросовестно обращаться с текстами, ограничиваясь внесением нужного им подхода в комментарии и истолкование. Вероятно, до эпохи ждановщины это так и было — по крайней мере мне неизвестно, чтобы кто-нибудь когда-нибудь уличил советских редакторов в прямом литературном мошенничестве. Не так давно Л. Домгер рассказал за рубежом о работе над академическим изданием Пушкина, о трудностях, которые пришлось преодолевать редакционной комиссии, но и тут не было речи о цензуре пушкинских текстов. Надо сказать, что это академическое издание Пушкина редактировалось компетентными пушкиноведами, заслуженными и добросовестными учеными. И то же самое относится к большинству изданий классиков в 20-х и 30-х годах: среди их редакторов мы встречаем имена Б. В. Томашевского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, А. С. Долинина, М. А. Цявловского, К. И. Чуковского и др. Но вот теперь перед нами новое, «самое полное» издание сочинений и писем Чехова в двадцати томах, и внимательное ознакомление с этим изданием показывает, что оно останется памятником советскому литературному мошенничеству и вплетет еще один листок в позорный венок одного из редакторов, поэта Николая Тихонова, ставшего кремлевским прихлебателем.

Издание это начало выходить в результате специального постановления Совета Народных Комиссаров от 29 апреля 1944 г. Оно должно было явиться *первым* полным собранием не только сочинений, но и писем скончавшегося 50 лет тому назад писателя. Прежние собрания сочинений — и дореволюционные и советские — не включали писем, а выпущенное еще до революции сестрой Чехова, Марией Павловной, трехтомное собрание писем отнюдь не притязало на полноту. С тех пор многие письма были напечатаны в различных сборниках, но осталось еще много неразысканных или никогда не появлявшихся в печати.

Новое издание должно было состоять из двадцати томов: 12 томов сочинений (включая один том дневников и записных книжек) и 8 томов писем. В сочинения должны были войти не только все рассказы и пьесы, но и книга о Сахалине, а также журнальные и газетные очерки и статьи. Общая редакция была возложена на трех человек. Из них только один — покойный С. Д. Балухатый — был специалистом по Чехову, автором хороших, полу-формалистических работ о Чехове-драматурге. Два другие были поэт Николай Тихонов и экс-дипломат В. П. Потемкин. Кроме того каждый том редактировался одним или двумя специалистами по Чехову, но среди них мы почти не находим сколько-нибудь известных литературоведов, хотя и попадаются имена авторов журнальных статей о Чехове (Л. М. Фридкиса, И. С. Ежова, Н. Е. Коншиной, Н. И. Гитович). Балухатый и Потемкин умерли после выхода первого тома и до выхода второго в 1946 г. Со второго тома в число редакторов был включен «профессор» А. М. Еголин, тот самый Еголин, которому в 1946 г., после ждановского разгрома литературы, была поручена реорганизация опального журнала «Звезда». На томах II, III и IV были еще обозначены имена Балухатого и Потемкина (очевидно, они были еще живы, когда эти тома составлялись), но с обозначением, что их уже нет в живых, а с V-го тома и до конца издание выходило под редакцией только Тихонова и Еголина.

Издание было благополучно закончено в 1951 г. выпуском XX-го тома. На первый взгляд оно производит довольно благоприятное впечатление. Хорошая бумага. Простой, но довольно благородный переплет. Включены не только все напечатанные произведения Чехова, но и не появлявшиеся в печати рассказы и очерки, рукописи которых удалось разыскать. Каждый том сопровождается обширными комментариями. Для сочинений эти комментарии включают многочисленные варианты печатных текстов, указания на цензурные искажения, иногда генезис данного рассказа и современные критические отзывы. В комментариях к письмам указывается источник,

по которому они печатаются, а также даются пояснения насчет упоминаемых в них фактов и лиц. Кроме того, под заголовком «Адресаты Чехова» сообщаются биографические данные о лицах, с которыми Чехов был в переписке. К каждому тому писем приложены тщательно составленные указатели имен и названий, а в последнем томе даны сводные указатели для всех восьми томов писем. В предисловии указывается, что все тексты сочинений и писем даются в тщательно сверенном виде. Там же мы читаем, что основное отличие настоящего издания от всех предыдущих — именно в публикации «обширного эпистолярного наследия» писателя. По сравнению с дореволюционным изданием М. П. Чеховой количество напечатанных теперь писем увеличено почти вдвое. Свыше тысячи писем печатается впервые. Словом, налицо как будто издание, удовлетворяющее всем требованиям научности. О письмах Чехова редакторы издания говорят, что они дают сложную картину идейной и общественной жизни конца XIX — начала XX века и обрисовывают Чехова со всех сторон — как человека, писателя, критика, общественного деятеля и блестящего стилиста. Всё это, конечно, верно. В русской эпистолярной литературе Чехову давно принадлежит одно из первых мест. Но хвастаясь полнотой своего издания и его научным аппаратом и лицемерно возмущаясь искажениями, которым дореволюционная цензура подвергала произведения Чехова¹, сами редакторы нового издания подвергли своей партийной цензуре письма Чехова. Вот несколько обнаруженных мною примеров весьма бесцеремонного обращения советских редакторов с драгоценным, по их собственным словам, эпистолярным наследием писателя.

9 декабря 1890 г., возвратившись с Сахалина, Чехов пишет длинное письмо А. С. Суворину. Описывает в нем свое обратное путешествие в Россию морем. Говорит об остановке в Гонконге. В новом советском издании (т. XV, под редакцией Е. Н. Коншиной, письмо № 827) после слов: «Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видал даже на картинках» идут три точки в прямых скобках. Из предисловия к т. XIII (первый том писем) мы знаем, что так обозначаются опущенные места. Таких опущенных мест довольно много: Чехов довольно свободно в переписке с братьями и прия-

¹ Интересно, однако, что в одном случае в редакторских комментариях пропуск в одном из рассказов Чехова приписывается, в полном противоречии со свидетельством самого Чехова, «царской» цензуре, тогда как из относящегося к этому делу письма Чехова видно, что цензура в данном случае исходила от либеральной редакции «Русских Ведомостей». Чехов был этой «цензурой» очень возмущен.

телями употреблял непечатные или грубые слова, которые приходилось заменять точками. Но в данном случае речь идет о чем-то нецензурном в совершенно другом смысле слова. Если мы заглянем в дореволюционное издание писем, то увидим, что тут из письма Чехова выброшены фразы, в которых он расписывает благосостояние Гонконга и подчеркивает заслуги британской колониальной администрации. После слов об оживленной бухте в подлиннике идет: «прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил я на дженерикше, т. е. на людях, покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники-россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?» Всё это место исключено в советском издании. Любопытно, что еще в 1939 г. в Москве вышла книжка под названием «Антон Павлович Чехов. Критико-биографический очерк», автор которой, А. Б. Дерман, известный своими статьями по литературе еще до революции, не только цитировал вышеприведенное место о Гонконге, но и ссылаясь на него, утверждая, что Чехов всегда был «западником» и «культурником». Но то было в 1939 г. Десять лет спустя, в разгар ждановщины, подобные восторги перед достижениями британской колониальной администрации показались неуместными редакторам чеховских писем (или стоящей над ними партийной цензуре) и были стыдливо заменены тремя точками.

Такие же три точки в прямых скобках находим мы в письме № 887 в том же XV-м томе. Письмо это было написано Чеховым вскоре после возвращения с Сахалина и перед отъездом в Европу с Сувориным и его сыном. Оно датировано 16 марта 1891 г. из Петербурга, где Чехов пошел посмотреть гастролировавшую тогда в России знаменитую итальянскую актрису Элеонору Дузе. Чехов видел ее в пьесе Шекспира «Антоний и Клеопатра». В восторге от игры Дузе, он в ту ночь, по возвращении из театра, написал письмо своей сестре (письмо помечено «Полночь»). Он писал: «Сейчас я видел итальянскую актрису Дузе в шекспировской Клеопатре. Я по-итальянски не понимаю, но она так хорошо играла, что мне казалось, что я понимаю каждое слово. Замечательная актриса. Никогда ранее не видал ничего подобного». До этого места письмо добросовестно воспроизведено в издании под редакцией Еголина и Тихонова. Но дальше опять идут точки в прямых скобках. Рядовой советский читатель будет, вероятно, ломать голову над тем, что же

такого неприличного, нецензурного мог Чехов написать сестре в письме о Дузе. Те немногие, кому доступно дореволюционное издание писем Чехова, могут полюбопытствовать и заглянуть в него. Что же они увидят? В припадке псевдопатриотического усердия коммунистическая цензура зачеркнула следующее место в письме Чехова: «Я смотрел на эту Дузе и меня разбирала тоска от мысли, что свой темперамент и вкусы мы должны воспитывать на таких деревенных актрисах как Х. и ей подобные, которых мы оттого, что не видали лучших, называем великими. Глядя на Дузе, я понимал, отчего в русском театре скучно²». Иными словами, коммунистическая цензура ничего не имеет против того, чтобы Чехов восторгался итальянской актрисой, но советский читатель не должен знать, что он при этом критикует русский театр и бранит русских актрис. Впрочем, надо сказать, что этот принцип в советском издании Чехова отнюдь не проводится последовательно и многие его нелестные отзывы о русском театре оставлены в неприкосновенности. Очевидно, в данном случае сыграло роль наличие невыгодного противоположения русского западному т. е. опять-таки мы видим оглядку на Жданова и его директивы насчет «низкопоклонства». Интересно, что вышеприведенный критический отзыв о русском театре был полностью процитирован покойным С. Д. Балухатым в его книге «Чехов драматург» (Ленинград 1936).

Так же ясно это проступает и в третьем обнаруженном мной случае цензурного пропуска. Он находится в т. XVII (в той части, которая редактирована И. С. Ежовым) в письме Суворину из Ниццы от 14 декабря 1897 г. В этом письме говорится о недавней смерти известного французского писателя Альфонса Додэ. Чехов с удовольствием отмечает, что всё, что писалось по этому поводу во французской печати, было «умно и изящно». Даже Рошфор, говорит он, написал хорошо. И затем Чехов продолжает иронически (причем тут нетрудно заметить камешек в огород Достоевского, которого Чехов не любил): «Да, великие мы таланты, мы всечеловеки и из нас «прет», но умри Лев Толстой, и написать статью некому. Напишут публицисты, а беллетристы, с Григоровичем и Боборыкиным во главе, только почешутся». Ни выпад против Достоевского и его мысли о всечеловечестве русского народа, ни пренебрежительный отзыв о тогдашних беллетристах не навлекли на себя гнева

² По всей вероятности, в подлиннике у Чехова вместо Х. стояла полная фамилия, но, поскольку это лицо было еще в живых, фамилия в издании М. П. Чеховой была заменена буквой: так М. П. поступала и в других аналогичных случаях.

коммунистической цензуры. Но вслед за этим идет у Чехова фраза, которая очевидно показалась слишком соблазнительной в условиях сегодняшней советской действительности. Свое письмо Суворину Чехов заканчивает пожеланием или рецептом: «Надо бы молодых литераторов командировать за границу, ей-ей надо бы». Очевидно, такого рода рецепты негоже читать молодым советским литераторам, которые еще, того и гляди, вообразят, что и их не худо было бы командировать за границу поучиться у западных коллег. Поэтому эта фраза просто-напросто выброшена в новом советском издании. Даже стыдливými точками не заменена. И только счастливый случай помог мне отыскать ее в издании М. П. Чеховой.

При более внимательном изучении нового издания и сверке его с более ранними публикациями писем могут выплыть наружу и другие такого же рода пропуски. Когда эти пропуски обозначены многоточием, может по крайней мере зародиться подозрение. Но, как видим, не всегда такая «добросовестность» соблюдается советскими редакторами. Во всяком случае для рядового советского читателя сверка с более ранними изданиями едва ли возможна. Он должен удовлетворяться Чеховым, прошедшим через партийную цензуру, подчищенным. А в отношении многочисленных впервые публикуемых писем такая сверка возможна только для тех, кто имел или имеет доступ к подлинникам.

Повторяем: редакторы нового и якобы полного издания сочинений и писем Чехова говорят о том, что все тексты Чехова освобождены от цензурных искажений, а в письмах восстановлены многочисленные пропуски. Это не мешает им самим препарировать тексты чеховских писем в согласии с очередной партийной линией. Иными словами — совершать прямое литературное мошенничество. Незачем говорить, как отнесся бы сам Чехов к такому приему. Достаточно напомнить его знаменитое письмо Плещееву от 4 октября 1888 г., в котором он писал, что ненавидит «ложь и насилие во всех видах» и откуда бы они ни исходили, справа или слева.

Возникает также вопрос: если советские редакторы так бесцеремонно поступили с эпистолярным наследием Чехова, можно ли доверять и другим их изданиям классиков?

Глеб Струве

Р. S. Настоящая статья была уже в печати, когда мне удалось обнаружить еще несколько примеров редакторского самоуправства в якобы полном собрании сочинений и писем Чехова. Речь идет также о пропусках в письмах, но продиктованных несколько иными соображениями. Так, в т. XVIII полностью выброшено по край-

ней мере одно письмо Чехова к Мейерхольду (от конца 1899 г.) Письмо это, впервые напечатанное еще в 1909 г., но не вошедшее потом в издание М. П. Чеховой, несколько раз воспроизводилось полностью или частично в разных изданиях в советское время и было признано советскими комментаторами «чрезвычайно интересным». Но, как известно, в конце 30-х годов Мейерхольд был объявлен вредным «формалистом» и «врагом народа» и сошел со сцены. Есть все основания думать, что он погиб в советских застенках. Имя его во всяком случае стало табу, и проникнутое симпатией и дружественным интересом письмо к нему Чехова исключено поэтому из собрания писем Чехова, хотя по существу оно не содержит ничего предосудительного даже с советской точки зрения — предосудителен лишь его адресат. Исключены также в т. XIX из писем к О. Л. Книппер два сочувственных упоминания о Мейерхольде. Имя самого Мейерхольда совершенно изгнано из подробных именных указателей к восьми томам писем, хотя отдельные малозначащие упоминания его в самих письмах и сохранены.

COURTS, LAWYERS AND TRIALS UNDER THE LAST THREE TZARS by S. KUCHEROV, Foreword by MICHAEL KARPOVICH. Frederick A. Praeger, New York. 1953.

Законодательные реформы 19-го столетия — освобождение крестьян, введение земств и городского положения, привлечение широкие слои населения к самоуправлению, — были бы немислимы без учреждения новых судов (Судебные Уставы 1864 г.) и создания свободной и независимой адвокатуры и без громадной кодификационной работы, тесно связанной с именем Сперанского (создание Собрания и затем Свода законов). Сделано было громадное усилие к превращению России, насколько это было возможно при самодержавном режиме, в правовое государство.

Судебной реформе, созданию впервые в России свободной и независимой адвокатуры и ее роли в общей системе обновленной России посвящен вышедший на английском языке труд русского адвоката С. Л. Кучерова: «Суды, адвокаты и судебные процессы при последних трех императорах». Книга содержит историю учреждения Судебных Уставов и адвокатуры от 1864 г. по день окончательной их отмены декретом народных комиссаров от 24 ноября 1917 г. Книга Кучерова очень ценна по богатству материала, который оказался в распоряжении автора в Вашингтонской и Нью-Йоркской библиотеках и по умелому и полному его использованию.

Кучеров дает яркую картину до-реформенных судов, в которых